

Т

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«Я ПРИШЕЛ ИЗ
ДРУГОЙ СТРАНЫ...»

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«Я ПРИШЕЛ ИЗ
ДРУГОЙ СТРАНЫ...»

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Тбилиси
2016

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

▲ В этом доме Николай Гумилев жил в Тифлисе

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

По вечерам кажется, что Тбилиси способен ворожить, творить чудеса. Когда исчезает поток машин и закрываются шумные магазинчики, в неярком свете фонарей распрямляются, как в стародавние времена, поникшие дома. Исчезают со стен морщины трещин, обретают бывшее величие литье решеток и перил, преобразуются подъезды, которые некогда были воистину парадными. Того и гляди, подъедут к ним экипажи на дутых шинах и важный швейцар торжественно распахнет массивную дверь... Вот, скажем, у этого дома в старинном районе, на углу

улиц Леонидзе и Мачабели. В прошлом веке мы сказали бы: на углу Сололакской и Сергиевской. Именно так оно и происходило в самом начале того века, а точнее, в 1900 году. Фамилия семейства, выгужавшего вещи, чтобы поселиться в доме (тогда он назывался просто: «дом инженера Мирзоева в Сололаках»), никому не была известна в Тифлисе. Разве что, только чиновникам местного отделения «Северного страхового общества», куда из Питера перевелся глава семьи. И была эта фамилия – Гумилевы. А самому младшему ее носителю – Николаю – Тифлис наворожил уди-

вительные преобразования.

Что же заставило людей, никогда до этого не связанных с Кавказом, резко изменить жизнь и перебраться в Грузию из окрестностей аж самого Санкт-Петербурга? Как случилось, что именно в Тифлисе Николай Гумилев вошел во взрослую жизнь? Чтобы получить ответы на эти вопросы, откроем гумилевский семейный альбом.

МОРСКОЙ ВРАЧ И ЕГО СЕМЬЯ

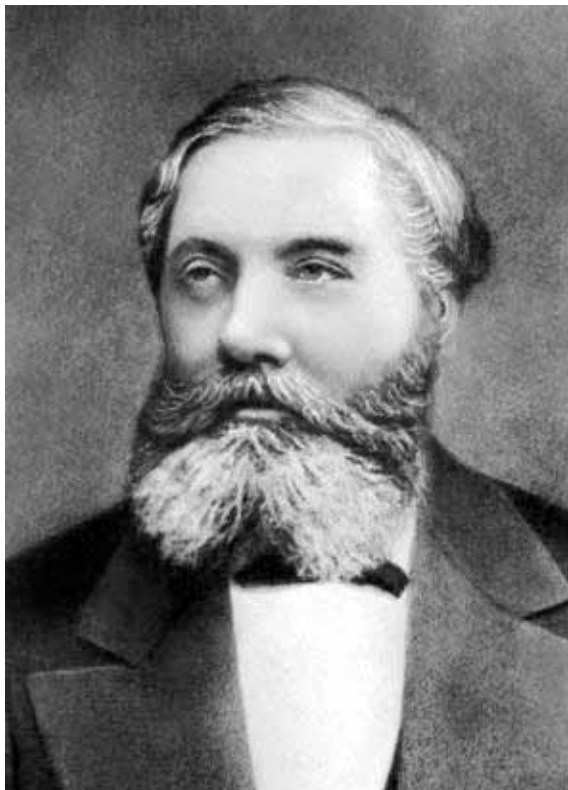

Главе семьи, Степану Гумилеву, казалось бы, было уготовано духовное поприще: отец – сельский дьякон, брат – преподаватель духовной семинарии, сестры и племянница замужем за священниками. Но примерный семинарист, вопреки желанию родных, уходит в светскую жизнь – поступает на медицинский факультет Московского университета. Учится по государственной стипендии, и потому, получив диплом, обязан отправиться, как говорили в советское время, «по распределению». То есть, определенный срок проработать там, куда его направят. А направляют его в 1861-м в Кронштадт, на должность военного врача. И с тех пор двадцать шесть лет его жизни связаны с морем.

Он работал в порту и в морском

госпитале, совершил кругосветное плавание, служил на нескольких судах, в том числе и на «Варяге». Нет, не на легендарном крейсере, противостоявшем японской эскадре в 1905 году, а на его предшественнике – корвете. Интерес к дальним экзотическим странам мог передаваться его сыну Николаю генетически. Хотя надо признать, что романтиком судовой врач отнюдь не был. А еще он занимался научной работой в «Обществе

▼ Отец поэта Степан Гумилев

▲ Корвет «Варяг» – тезка легендарного крейсера

морских врачей» и пользовался уважением коллег. Итог этой работы – статья о вентиляции в кочегарном отделении, опубликованная в санкт-петербургском медицинском журнале.

Женат Степан Яковлевич был дважды. После того, как первая жена умерла от туберкулеза, на его руках осталась дочь Александра (в замужестве Сверчкова). Со второй женой – Анной Львовской он знакомится у ее брата, своего товарища. Во многих источниках сообщается, что тот был адмиралом, но это – ошибка. Причем, как мы еще убедимся, далеко не единственная у биографов Гумилева. Контр-адмиралом Львов стал позднее, а когда он познакомил своих сестру и товарища, он был старшим офицером броненосного

фрегата, капитаном 1-го ранга. А брат его служил в пехотном полку. Ученый и писатель Лев Гумилев, внук моряка-медика, сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой, был не совсем прав, утверждая, что «Гумилевы – каста военных». Это относится, скорее, к семье Львовых, а доктор Степан Гумилев был военным в первом поколении.

Брак двадцатидвухлетней потомственной дворянки и сорокалетнего сына сельского дьячка, вдовца с маленькой дочерью, многие считали мезальянсом. Но Анна Ивановна была из женщин, воспетых русской литературой. Подобно героиням Пушкина и Тургенева, жила высокими чувствами, ненавидела кокетство, не тяготилась сельской жизнью. Ее любовь к будущему мужу началась с сострадания

▲ Сводная сестра поэта
Александра Сверчкова

к нему и его осиротевшей дочери Шуре, которая после окончания пансиона пятнадцать лет жила в их семье. Анна Ивановна Львова стала идеальной женой и хозяйкой, дом держался на ней, когда муж был в долгих плаваниях и болел после отставки. А уж какой матерью была! До самой смерти верила, что ее Коля не расстрелян, а бежал и даже сможет добраться до своей любимой Африки...

Поселяются Степан Яковлевич и Анна Ивановна в доме Григорьева на Большой Екатерининской

улице Кронштадта. После рано умершей дочери Зиночки у них, с интервалом в пару лет, рождаются два сына. Первый, Дмитрий, стал военным, потом – чиновником в Тверской губернии. Второй, Николай, стал поэтом. Почти через год после его рождения, в феврале 1887 года врач шестого экипажа Степан Гумилев, работавший в кронштадтском госпитале, производится в статские советники (это соответствует званию полковника). Но семнадцатилетние скитания по свету сказались на его здоровье – обострился ревматизм. Он брал длительные отпуска, лечился за счет Морского министерства – кумысом в Старой Руссе и минеральными водами в Пятигорске и Кисловодске. И, в конце концов, уволился по болезни «с мундиром и пенсионом из государственного казначейства в размере 864 руб. и из эмеритальной кассы морского ведомства по 684 руб. 30 коп... и правом на личное дворянство».

За четыре года до этого он получает орден Святого Станислава второй степени, и именно эта награда дает ему и его детям право на потомственное дворянство. Так род попovichа становится дворянским. Ну, а эмеритальная касса – это то, к чему сейчас стремятся в бывших республиках СССР – страховой пенсионный фонд для госслужащих с обязательными отчислениями из их окладов.

В ночь на 3 апреля 1886 года, когда появляется на свет Николай Гумилев, на Кронштадт обрушива-

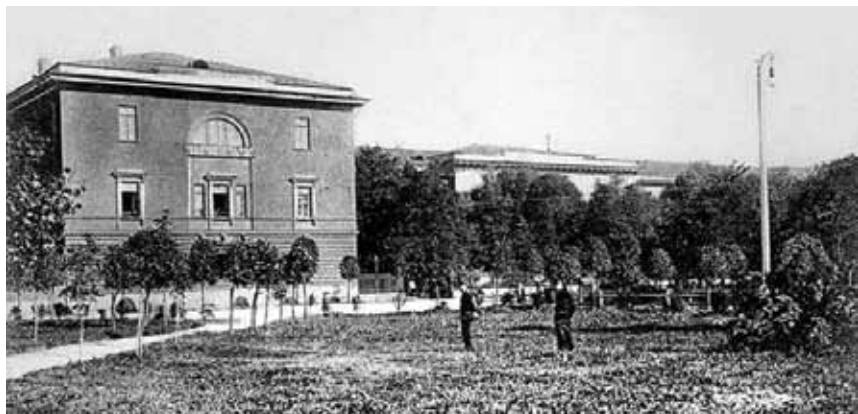

▲ Кронштадт. Конец 19 века

ется невиданная буря. Акушерка еле добирается до дома на Большой Екатерининской, в котором уверены: родиться должна девочка. Там даже заготовлена младенческая одежда розового цвета. Но улыбающаяся акушерка выходит из комнаты роженицы с мальчиком. И вместе со старой няней приходит к выводу: у ребенка, родившегося в такую бурю, должна быть бурная жизнь. Сегодня мы знаем, что так оно и случилось... А 15 апреля в Морской военной госпитальной Александро-Невской церкви протоиерей Владимир Краснопольский крестит мальчика, нареченного Николаем. Восприемники крещенного – капитан 1-го ранга 6-го флотского экипажа Лев Львов и дочь Степана Яковлевича от первого брака «девица Алексан-

дра Степановна Гумилева».

После отставки Степана Гумилева семейный совет решает перебраться в Царское Село: уезжать далеко от Петербурга не хочется – детям надо дать хорошее образование. Вообще они часто переезжают с места на место, не раз покупают недвижимость. И это при том, что 124 рубля в месяц были не очень большими деньгами для семьи из пяти человек. Вот что пишет литературовед Валерий Шубинский: «...Если в 1890 году речь шла о небольшой усадьбе на станции Поповка Николаевской железной дороги (ныне Тосненский район Ленинградской области), то спустя одиннадцать лет семье оказывается по силам купить большое, в 60 десятин, имение Березки в родной для Гумилева-отца Рязанской гу-

▲ В этом госпитале работал Степан Гумилев

▲ Мать поэта Анна Гумилева

бернии...»

Исследователи гумилевской биографии объясняют это по-разному. Например, тем, что, благодаря умелому хозяйствованию Анны Ивановны, удалось сделать накопления. Или тем, что ее муж занимался частной практикой, а в быту был скуповат... Как бы то ни было, вскоре после отставки главы семьи относительно недорого снят двухэтажный деревянный домик в Царском Селе. Которое, между прочим, многими считается родной русской поэзии. А в те годы было еще и первым полностью электрифицированным городом в Европе. Там, в конце Московской улицы, и начинается детство будущего поэта, которое продолжится уже в Тифлисе. В Царском Селе Гумилевым суждено было прожить девять лет.

▲ В этом доме родился Николай Гумилев

«САМЫЙ ПЕРВЫЙ: НЕКРАСИВ И ТОНОК»

В детстве Николая ничто не указывало на предстоящую бурную жизнь. Совсем наоборот – это был слабый, худенький ребенок. Да и сам Гумилев, повзрослев, признавался, что в детстве и в зрелости в нем жили два разных человека:

*Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.*

*Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.*

*Дерево да рыжая собака –
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.*

Здесь мы прервем чтение этого стиха, потому что «второго» Гумилева нам предстоит увидеть уже в Грузии. Но можно предоставить слово поэтессе Ирине Одоевцевой – любимой ученице Николая Степановича в основанном им первом санкт-петербургском литературном объединении «Цех поэтов». Настоящие ее имя и фамилия Ираида Гейнике, в ее воспоминаниях оживают Осип Манделштам, Андрей Белый, Иван Бунин, Георгий Иванов, Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский и другие представители Серебряного века, с которыми она была близко знакома. А слова Гумилева мы вообще услышим из ее уст: не оставив мемуаров о своем детстве, он тем не менее много рассказывал Одоевцевой о той поре. И она, ссылаясь на свою стенографическую память, оставила нам такое автобиографическое воспоминание поэта:

«Мое детство было до крайности волшебным... Я был действительно колдовским ребенком. Я жил в каком-то мной самим созданном мире, не понимая, что это мир поэзии... Так, у нашей кошки Мурки

▲ Ирина Одоевцева

были крылья и она ночами улетала в окно, а собака моей сводной сестры, старая и жирная, только притворялась собакой, а была – я один это знал – жабой... Да, я действительно был колдовской ребенок, маленький маг и волшебник. Таким я сам себя считал... Я мучился и злился, когда брат перегонял меня в беге или лучше меня лазил по деревьям. Я все хотел делать лучше других, всегда быть первым... Мне это, при моей слабости, было нелегко. И все-таки я ухитрялся забираться на самую верхушку ели, на что ни брат, ни дворовые мальчишки не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость... Меня очень баловали в детстве... Больше, чем моего старшего брата. Он был – здоровый, красивый, обыкновенный мальчик, а я – слабый и хворый. Ну, конечно,

▲ Царское Село. Конец 19 века

мать жила в вечном страхе за меня и любила меня фантастически...»

Страх матери можно понять. Ее Коленька до пятнадцати лет постоянно испытывает сильные головные боли (они исчезнут лишь в Тифлисе), болезненно возбудим. Любые внешние явления, в том числе и городской шум, ослабляют его организм, доводя до глубокого сна. После прогулок он чувствует себя совершенно больным, приходится даже закладывать его уши ватой. Вдобавок начинает развиваться косоглазие, сохранившееся до конца жизни. Мальчик растет

▼ Митя и Коля Гумилевы

▲ Брат поэта Дмитрий с женой

застенчивым и неуклюжим, не обращая внимания на беспорядок в вещах и одежде. Животных любит больше, чем людей, отказывается выходить к гостям, избегает новых знакомств и с удовольствием проводит время в обществе ежа, морских свинок, белых мышей и попугая, которые куплены на подаренные ему деньги. Старший брат Митя – полная противоположность нелюдимому фантазеру. Красивый, аккуратный во всем, легко заводит знакомства, подаренные деньги тратит на лакомства и, вообще, имеет довольно легкомысленный характер. Но, при всем этом, братья очень дружны, часто играют «в

▲ Царскосельская гимназия

военные игры и в индейцев».

Читать Николай начинает, когда ему еще нет шести лет, а вскоре поступает в подготовительный класс Царскосельской гимназии. Именно в то время рождаются первые попытки рифмовать. Анна Ахматова предлагает нам такой отрывок из «творчества» шестилетнего Коли:

*Живала Ниагара
Близ озера Дели,
Любовью к Ниагаре
Вожди все летели.*

Ясно, что здесь и речи не может быть о какой-либо художественной ценности, зато очевидно, что уже тогда автора влечет экзотика заморских стран. А вот вступительного экзамена в гимназию он боится. Когда же это испытание пройдено успешно в 1894-м, проучиться удастся лишь несколько месяцев. Слабый организм еле борется с бронхитом. Доктора, диагностировав еще и повышенную деятельность мозга, заявляют, что мальчику пока еще рано заниматься в гимназии.

▲ Братья Гумилевы

Коле нанимают домашнего педагога, и в его жизнь впервые входит слово «Тифлис» – занимавшийся с ним студент физико-математического факультета Петербургского университета Багратий Газалов был из этого города. Несмотря на разницу в возрасте, они подружились, хотя репетитору так и не удалось продвинуть подопечного в математике. Он с иронией называет мальчика Лобачевским, но, видя его любовь к животным, дарит книгу о них с надписью: «Будущему зоологу». И вообще именно тифлисец увлекает будущего путешественника зоологией и географией. Удастся ему и обучить Николая основам немецкого языка.

Летом Газалов даже едет вместе с Гумилевыми в их деревню По-

повка, чтобы продолжить занятия и там. Николай, конечно, занимается с симпатичным ему Багратием, но в то же время Поповка дарит еще и особый мир. Мир волшебный, приятный только ему одному, рожденный во время долгих отлучек из дома. Мальчик обнаруживает лесную пещеру и проводит там многие часы в мечтах и волшебных грезах, в первых поисках рифм. Он видит пузырящуюся воду болота и «понимает»: там живет дракон. Естественно, болото получает название драконьего. «Цветы, что я рвал ребенком/ В зеленом драконьем болоте,/ Живые, на стебле тонком,/ О, где вы теперь цветете?», – напишет он спустя почти двадцать лет...

Тогда вся жизнь для него была полна нереальными превращениями. Он уверен, что заклинаниями можно повлиять на погоду («Солнце останавливали словом, Словом разрушали города», – скажет он потом), а люди способны превращаться в зверей. Сны, в которых у него вырастают крылья, дают ему возможность жить в нескольких временах... Именно обо всем этом мы и читали в его стихотворении про себя «первого»: «...Полубивший только сумрак рощ, лист опавший, колдовской ребенок, словом останавливавший дождь». Но лето кончается, и Гумилевы перебираются в Санкт-Петербург, сняв квартиру в доме Шамина на углу третьей Рождественской и Дегтярной улиц.

«СВОИМИ НЕДОСТАТКАМИ СЛЕДУЕТ ГОРДИТЬСЯ»

Там жизнь семьи меняется: выходит замуж и уезжает Шурочка, любимая сводная сестра, старший брат Митя поступает в знаменитую гимназию известного педагога Якова Гуревича. Но Коля по-прежнему живет в ином – своем мире: приносит домой всевозможных животных, пишет стихи и басни, с упоением слушает, как отец рассказывает о дальних экзотических путешествиях. А потом приходит время и ему поступать в гимназию – как-никак уже исполнилось десять лет. На вступительном испытании по родному языку преподаватель советует будущему классику русской литературы обратить внимание на «слабое правописание и недостаток грамматических сведений» по устному языку. А вот знания по арифметике и немецкому особых нареканий не вызывают (спасибо тифлиску Газалову!).

В общем, Николай становится гимназистом, хотя грамотно писать он так никогда и не научится. И, как подчеркивают исследователи, «не без шутиливой бравады», через годы скажет Одоевцевой: «Но учился я скверно. Почему-то

▲ Санкт-Петербург. Конец 19 века

не помещал своего самолюбия в ученье. Я даже удивляюсь, как мне удалось кончить гимназию. Я ничего не смыслю в математике, да и писать грамотно не научился. И горжусь этим. Своими недостатками следует гордиться. Это превращает их в достоинства». На вполне естественный вопрос собеседницы: «Но какое же достоинство – безграмотность?» – ответ: «Ах, всегда вы со своей плоской, трехмерной логикой. Моя безграмотность совсем особая. Ведь я прочел тысячи и тысячи книг, тут и попугай бы стал грамотным. Моя безграмотность свидетельствует о моем кретинизме. А мой крети-

▲ Здесь Гумилевы жили в 1895-1896 гг.

низм свидетельствует о моей гениальности...». И потом добавка: «Не морщите нос! Я шучу».

При этом Одоевцева считает, что шутил он только наполовину: «В свою гениальность он верил. И насколько не стеснялся своей безграмотности. Писал он действительно непостижимо неправильно. Когда ему указывали на его ошибки, он только удивленно качал головой: «Кто его знает! Вы, пожалуй, правы. Пусть будет по-вашему». Нет, дорогие читатели, никакой это не кретинизм. Это – дисграфия она же дислексия, то есть, как сообщают медицинские справочники, «неспособность (или сложность) овладеть письмом при нормальном развитии интеллекта». Весьма распространенное явление. Хотите примеры из мировой литературы?

Вот родители вынуждены за-

брать девочку из школы и обучать ее дома, так как она почти в каждом (!) слове делает орфографические ошибки. Зовут девочку Агата Мэри Кларисса Маллоуэн. Нам она известна как Агата Кристи. А вот редактор пишет на рукописи автора строгий приговор: «Человек, который так глумится над родным датским языком, не может быть писателем». Это он – о Гансе Христиане Андерсене. Ни господин Андерсен, ни леди Агата, ни многие большие литераторы, включая русского поэта Евгения Баратынского, до конца жизни так и не перестали писать с ошибками. Так что, наверное, не случайны строфы из гумилевского стихотворения 1915 года:

*...И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет, –
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.*

Но вернемся в Санкт-Петербург. Как бы ни была либеральна гимназия Гуревича, а младший гумилев-

▼ Гимназия Я.Гуревича

▲ Яков Гуревич

ский сын проучился в ней всего четыре года. Главное, что увлекает его там – оловянные солдатики. Он умудряется увлечь игрой многих и многих гимназистов. На «битвы», которыми руководит Николай, каждый из них выставляет свое весьма немалочисленное войско... И вот результат: в третьем классе дела с оценками обстоят еще не очень страшно, но явно не так уж хорошо. «Пятерок» – ни одной, «четверки» лишь по русскому языку, истории, географии и Закону Божьему, по всем остальным предметам – «тройки». А на следующий год – уже просто катастрофа.

Откроем письмо Степана Гумилева на имя директора гимназии: «...По малоуспешности во

французском языке сына моего ученика IV класса Николая Гумилева, прошу Ваше Превосходительство освободить его совсем от уроков оногo». С немецким языком тоже нелады. Послушаем преподавателя Федора Фидлера, между прочим, отнюдь не бездушного рутинера, а одного из лучших учителей гимназии. Этот человек, оставивший переводы русских поэтов от Пушкина до Брюсова и создавший дома настоящий музей раритетов русской литературы, так вспоминает о Коле Гумилеве: «Все учителя считали его лентяем. У меня он всегда получал одни только «двойки» и принадле-

▼ Гимназическая ведомость Н. Гумилева за 1899-1900 гг.

Въ гимназическомъ
классѣ 1899 г.
по №

СРОЧНАЯ ВѢДОМОСТЬ

въ успѣхахъ, измѣненіяхъ, приложеніяхъ и поведеніи ученика *IV* класса *№*
Бислѣва *Гуревича Николая* въ 1899-го учебнаго года.

СРОКИ	У О П Ъ Х И															Средн. оц.	Относ. к. к. к. к. к.	Полн. к. к. к.		
	Истор. и географ.	Натур.	Матем.	Русск.	Франц.	Нем.	Истор. и географ.	Натур.	Матем.	Русск.	Франц.	Нем.	Истор. и географ.	Натур.	Матем.					
I кв.	3	3	3	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	3	3	2	2	2,3		
II кв.	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	3	2	-	-	2,3		
III кв.	3	3	2	2	2	2	3	3	2	-	-	-	3	3	2	-	-	2,3		
IV кв.	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2,3		
Средн. оц.	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2,3		
Средн. оц.	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2	3	3	2	2	2	2,3		
Относительн. к. к. к. к. к. к.																				

Полученная оц. *Въспитанія* *на*
кста *Бислѣва* *Никола*

Директоръ
(М. П.)
Н. Я. Васильевъ

▲ Федор Фидлер

жал к числу наименее симпатичных моих учеников... Если память мне не изменяет, он был исключен за неспособность к учебе (во всяком случае, я хорошо помню, что и другие учителя жаловались на него в учительской)... Меня он тоже недолюбливал – я видел это по нему, хотя он этого и не показывал».

Он встречается со своим бывшим учеником во второй половине 1910-х, и уже знаменитый поэт Гумилев посвящает ему такой акростих:

*Фидлер, мой первый учитель
И гроза моих юных дней,
Дивно мне! Вы ли хотите
Лестных от жертвы речей?
Если теперь я поэт, что мне в том,
Разве он мне незнаком,
Ужас пред вашим судом?!*

А осенью 1915-го Фидлер пишет в своем дневнике: «Я спросил у Гумилева, принимавшего участие в во-

енных действиях на трех фронтах, приходилось ли ему быть свидетелем жестокости со стороны немцев. Он ответил: «Ничего такого я не видел и даже не слышал! Газетные враки!» – «Значит, немецкую жестокость вы испытали только тогда, когда были моим учеником в гимназии и получали у меня единицы?» – спросил я. Он подтвердил, засмеявшись». И надо сказать, что, Федор Федорович очень сожалел, что когда-то ставил Гумилеву самые плохие оценки...

Между тем, «двойки» и «единицы» Николай хватает в четвертом классе не только по немецкому языку. Еще и по латыни, греческому, французскому и алгебре. Даже по любимой географии, имея по итогам четвертных экзаменов «тройку», он умудряется провалить годовой экзамен. Все это не совсем увязывается с «четверками» за внимание и прилежание – столь печальный итог при таких качествах! В общем, педагогический совет гимназии постановляет: ученика четвертого класса Гумилева оставить на второй год. Единственная «пятерка» – по поведению – ничего не решает. Как видно из оценок, ни хулиганом, ни прогульщиком Николай не был, педагогам внимал, но... Но учиться ему было попросту неинтересно. И снова в четвертый класс он пойдет уже только

в Тифлисе.

А тогда его влекло то, что потом назовут внеклассным чтением. Первую свою книгу – сказки Андерсена он много лет не только хранит, но и перечитывает. Еще совсем маленьким читает и журналы о природе и Шекспира. Потом на его полке появляются авторы, которые не минуют ни одного мальчишку – Майн Рид, Жюль Верн, Фенимор Купер, Луи Буссенар... Затем приходит русская и мировая поэзия, самое любимое – «Неистовый Роланда» Ариосто, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. А «Песнь о старом мореходе» Кольриджа становится ему близка настолько, что через годы он лучше кого-либо переведет ее на русский. И такая же романтика придет в его стихи, которые рождены навсегда оставшимися с детства страстью к путешествиям и увлечением географической экзотикой.

Ну, а в самой гимназии, помимо сражений оловянных солдатиков, Колю интересовали поиски клада в подвалах и рукописный литературный журнал, издававшийся учениками. Именно там публикуются его большое стихотворение «Превращение Будды» и рассказ о... путешествии во льдах (с белыми медведями, северным сиянием и застрявшим в торосах судном). Что же еще он мог писать, как не подражание Жюль Верну! Про настоящие путешествия он уже не спрашивает отца, в двенадцать лет сам делает ему «доклады» – о современной литературе, конспек-

тируя внимательно прочитанные выпуски любимой «Русской классной библиотеки».

А еще были поиски кладов и тайных ходов на чердаках, в стенах и подземельях петербургских домов. Были дешевые (специально для гимназистов) спектакли в лучших столичных театрах, познакомившие его с декадентскими течениями. Было созданное с друзьями некое «тайное общество» с обязательной конспирацией и неизменными свечами, в котором он носил диковинное имя Брами-Тама. И было картонное оружие, заполнившее его комнату, рядом с морскими свинками, тритонами, попугаями...

▲ Рисунки Н.Гумилева на эллинические мотивы

Летом в Поповке настольные оловянные солдатки сменяются пиратами, индейцами и ковбоями, в которых Коля с товарищами перевоплощаются на деревенских просторах. Там он уже не Брама-

▲ Из этого дома в Санкт-Петербурге Гумилевы уехали в Тифлис

Тама, а герой антибританского восстания индийцев Нэна-Саиб и даже злодей Надод Красноглазый из романа Луи Жаколио «Грабители моря». В рисунках его появляются героические мотивы эллинского эпоса, и подписи типа: «Уже у гидры семиголовой/ Одна скатилась голова.../ Ни клюв железный, ни стальные крылья/ От стрел Геракла гарпий не спасут,/ Герой творит свой страшный суд».

ЗДРАВСТВУЙ, ТИФЛИС!

Во всех играх он хочет быть первым. Не столь амбициозный и целеустремленный брат Митя предупреждает, что не всегда и не все будут ему подчиняться. И Коля уверенно отвечает: «А я упорный, я заставлю». Но тогда все семья вынуждена подчиниться неожиданным обстоятельствам: у Мити обнаруживается туберкулез. Естественно, родители в панике, консультации с врачами следуют одна за другой и, наконец, все сходятся на том, что срочно надо менять климат. Доктора рекомендуют юг, в том числе и Кавказ. Семья решает переселиться в Тифлис. Может, повлияли восторженные рассказы Багратия Газалова о родном городе?

Спешно продается вся мебель и, что самое обидное для детей, имение в Поповке. Правда, Коле огорчение от расставания с любимой деревней скрашивает то, что уже не надо ходить в гимназию – решено, что туда он не вернется. Глава семьи по себе знает, что лечение кумысом очень полезно для легких. И впервые мальчики с матерью едут летом не в Поповку, а в деревню Полустепановку под Самарой лечиться этим напитком – все очень боятся, что туберкуле-

▲ На этот Тифлисский вокзал поэт с матерью и братом приехал из Баку

зом заразится и Коля.

Гумилев-старший поначалу лечится от собственных хворей отдельно от семьи – в Славянске и прямо оттуда едет обустриваться в Тифлисе. Еще в Санкт-Петербурге он начал работать в «Северном страховом обществе», филиал которого есть в столице Грузии, так что с работой проблем нет. В начале Сергиевской улицы, где находится этот филиал, удастся снять отличную квартиру. В ней – и электрическое освещение, и большие, отделанные изразцами печи, и окна, выходящие на тихие зеленые улицы, и два подъезда со швейцарами в каждом. Когда все готово к переезду семьи, на Волгу уходит телеграмма, и Анна Ивановна с детьми пароходом отправляются в новую жизнь. Водный маршрут: Самара-Астрахань-Баку, а оттуда поездом – в Тифлис.

«Кавказ просто ошеломил меня. На меня вдруг нахлынули стихи Пушкина и Лермонтова о Кавказе. Я их знал и любил уже прежде. Но только здесь я почувствовал их магию. Я стал бредить ими и с утра до вечера, и с вечера до утра твердил их», – признавался Гумилев впоследствии. Горные ущелья просто сродни его душе:

*Как и вы, душа упряма,
Как и вы, душа мрачна,
Как и вы, не любит шума,
Ее манит тишина...*

Романтика Колю приводит в восторг Тифлис, непохожий ни на один из городов, которые он видел. Единственное, что напоминает Петербург – пушечный выстрел ровно в полдень. Но если на Неве это – просто дань традиции, то у Куры – знак того, что только те-

▲ Дом Гумилевых в Тбилиси. Фото 1960-х гг.

перь перекупщики, лавочники и мелкие разносчики могут наравне со всеми скупать на базаре продукты и товары для своего, говоря по-современному, бизнеса. Вокруг Николая оживают его грезы о снежных вершинах на горизонте, верблюжьих караванах, шумных восточных базарах со всевозможными диковинами, колоритных горцах, персах, арабах... Он так зачарованно бродит по удивительному для него миру, что часто опаздывает к обеду. А это в семье Гумилевых недопустимо. Как, впрочем, и то, что дети могут остаться без хорошего образования из-за болезни и особенностей характера.

И братья отправляются учиться во 2-ую Тифлискую Его Императорского Величества Великого князя Михаила Николаевича гим-

назию. Четырнадцатилетний Николай – опять-таки в четвертый класс, пятнадцатилетний Дмитрий – в шестой. Согласитесь, сейчас шестиклассник такого возраста, мягко говоря, удивит, но в то время это было обычным делом. В гимназию шли в восемь-десять лет, отправлять за парту пятилетних малышей, как ныне, было попросту немислимо, а учеба была восьмилетней. Кстати, тут нам придется сделать еще одно отступление – чтобы внести свою первую, чисто тбилисскую лепту в исследование жизни поэта. А конкретно – вежливо поправить уважаемых профессионалов, ведущих эти исследования.

Многие из них ссылаются на известного московского литературоведа и издателя Евгения Степанова, сообщающего, что 2-я мужская

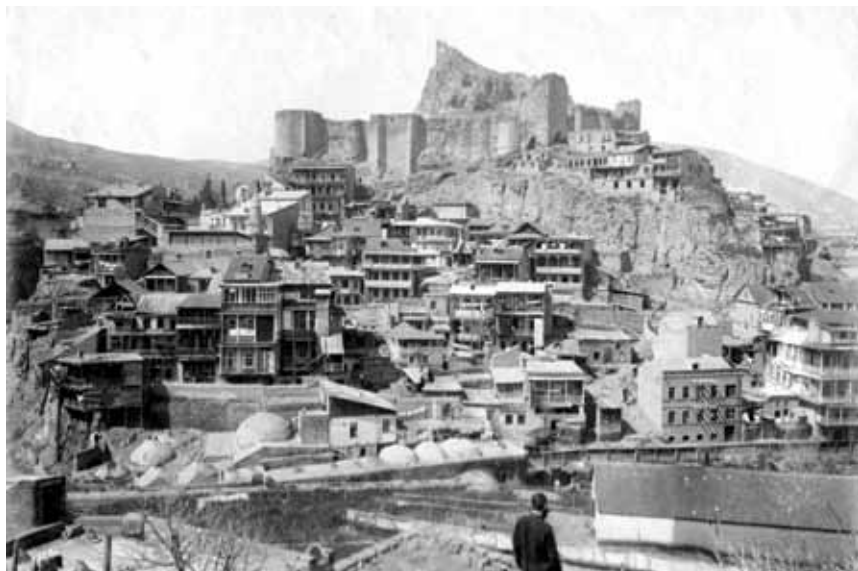
▲ Тифлисский базар

гимназия находилась на Воронцовской набережной. Однако эта Набережная перестала существовать за год до приезда Гумилевых, в 1899-м превратившись в Великокняжескую улицу, где и учился наш герой. В красивом здании, через десятилетия вошедшем в историю города как Нахимовское училище, а сегодня принявшем Министерство образования. Но это – так, к слову, истины ради.

Конечно, та гимназия была хороша, ведь попечителем ее был сам Михаил Арамянц – успешный промышленник и великий меценат, именем которого тбилисцы и по сей день называют построенные

им дома и крупный больничный комплекс. Но через полгода отец переводит Колю в одно из лучших учебных заведений Российской империи – знаменитую Тифлисскую 1-ю мужскую гимназию на Головинском проспекте. Там, кстати, уже учился его брат. И что же? У Николая – ни одной «двойки»! Правда, натуру не изменишь – по всем языкам и прилежанию – «тройки». Но зато по истории, географии и поведению – «отлично». Что ж, именно по последним трем из этих предметов сама жизнь, годами, экзаменовала его, уже взрослого. И с теми же оценками!

А летом – новая русская де-

▲ Крепость Нарикала

ревня: за зиму Степан Яковлевич покупает имение в Березках, в Рязанской губернии, куда вместе с «тифлисцами» к Гумилевым приезжает и его дочь от первого брака Шуручка. Вот, что она вспоминает: «Живя в Березках, Коля стал вести себя совершенно непонятно: пропадал по суткам, потом оказывалось, что он вырыл себе пещеру на берегу реки и проводил там время в посте и раздумьях. Он даже пробовал совершать чудеса». Ну, что тут скажешь! Прямое повторение того, что происходило в благословенной Поповке... Думается, Николай так и не расстался с детством, которое и потом считал самой, пожалуй, счастливой для себя порой. И признавался, что всю жизнь ощущал себя тринадцатилетним.

Не случайно, став взрослым, он говорит: «Во сне – не странно ли? – я постоянно вижу себя ребенком. И утром, в те короткие таинственные минуты между своим пробужде-

▼ Могила А.Грибоедова. Конец 19 века

▲ Тифлисский Ботанический сад

нием, когда сознание плавает в каком-то сиянии, я чувствую, что сейчас, сейчас в моих ушах зазвучат строки новых стихов...».

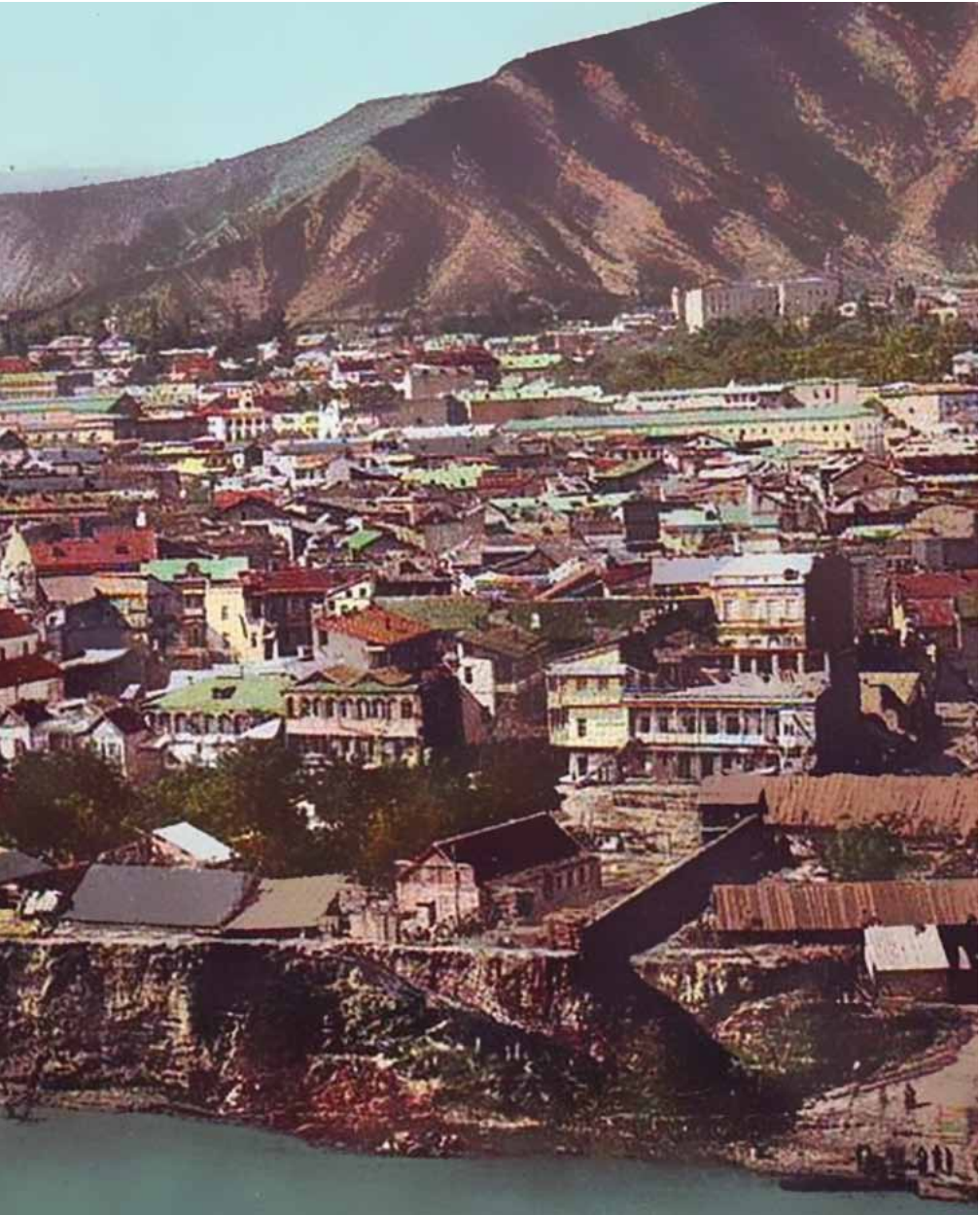
Ну, а близко знавшие его люди чуть увеличивают возраст, в котором Гумилев ощущал себя всю жизнь. Искусствовед Эрих Голлербах: «Упрекали его в позерстве, в чудачестве. А ему просто всю жизнь было шестнадцать лет. Любовь, смерть и стихи. В шестнадцать лет мы знаем, что это прекраснее всего на свете. Потом – забываем: дела, делишки, мелочи повседневной жизни убивают романтические «фантазии». Забываем. Но он не забыл, не забывал всю жизнь». Поэт Владислав Ходасевич: «Он был удивительно молод душой, а, может быть, и умом. Он всегда мне казался ребенком. Было что-то ребяческое в его под

машинку стриженной голове, в его выправке, скорее гимназической, чем военной. То же ребячество прорывалось в его увлечении Африкой, войной, наконец – в напускной важности, которая так меня удивила при первой встрече и которая вдруг сползала, куда-то улетучивалась, пока он не спохватывался и не надевал ее на себя сызнова. Изображать взрослого ему нравилось, как всем детям»...

По возвращении из Березок учеба идет неплохо: и с отметками положение не удручающее, и всего лишь одна перекзаменовка – по трудно дающемуся древнегреческому языку, в пятом классе. Впрочем, то же самое произошло на год раньше и с намного более прилежным старшим братом. По поведению у Николая, как всегда, «отлично», но тем не менее среди

▲ Тифлис. 1900-е гг.

▲ 2-я Тифлисская гимназия

нарушителей гимназической дисциплины он все же однажды оказался – уже в 6-м классе. Запись в «Общем кондуите» от 9 мая 1903 года свидетельствует об ужасной провинности: «Был в театре без разрешения и в блузе». В графе «Наказание» значится: «Оставлен на 2 часа в воскресенье». Вот такие преступления и наказания... Что же касается столь не дававшегося Коле греческого языка, то переэкзаменовка по нему все же будет – в 5-м классе.

Ну, а чтобы сдать эту переэкзаменовку, надо пройти через еще одно преобразование – в самостоятельного путешественника. Николай впервые в жизни в одиночку совершает большую поездку – из Березок в Грузию. И когда он из-

▲ 1-я Тифлисская гимназия

бавляется от этого «хвоста» по древнегреческому, фактически и начинается его самостоятельная жизнь. Она нравится настолько, что, когда вся семья весной следующего года снова уезжает в Березки, младший сын с удовольствием остается в Тифлисе. Тем более, что есть официальный повод – занятия с репетитором для подготовки к осенним переходным экзаменам в шестой класс. Живет он у гимназического друга по фамилии Борцов. А друзья по юношеской учебе, да еще в таком городе, как Тифлис – предмет особого разговора.

«ПЫЛКИЕ И ДИКИЕ»

Друзья появляются у Гумилева в первые же полгода пребывания в лучшей гимназии Грузии, с большой симпатией он называл их «пылкими и дикими». Не потому ли ребята с чисто кавказскими качествами характера так подошли ему, что те же слова можно было сказать и о нем еще в Питере и в Поповке? Друзья знакомят Колю не только с городом, но и с обширным Ботаническим садом, в который он полюбит приходить уже в одиночестве. Мать даже дает ему пятьдесят копеек на покупку годового (!) билета в это замечательное место. Цена, которая

▲ Иванэ Кереселидзе-старший

кажется смешной по сравнению со стоимостью сегодняшнего разового входного билета... С ребятами он поднимается и к древним развалинам крепости Нарикала на Солакском хребте, и, конечно же, к могиле Александра Грибоедова на склоне горы Мтацминда.

Кто же они, эти пылкие и дикие? От некоторых из них история сохранила для нас лишь фамилии. О Борцове, например, известно только то, что он был одним из самых близких друзей, причем настолько, что и в 1912 году приезжал к Гумилеву и Анне Ахматовой в гости, в петербургские меблированные комнаты «Белград». О Глубоковском – лишь то, что он впоследствии стал художником. А вот пригладеться к двум парам братьев – Кереселид-

▲ Борис Легран

зе и Легран – мы сможем.

Итак, Иванэ и Давид, сыновья штабс-генерала Георгия Кереселидзе, кстати, выпускника той же самой славной гимназии. Старшему из них дали имя в честь знаменитого деда – одного из основателей грузинского театра, публициста, издателя первого журнала «Цискари». Тот тоже имел отношение к Первой тифлисской гимназии – преподавал в ней русский язык и литературу, переводя при этом на грузинский язык Пушкина, Лермонтова, Грибоедова. Списку его друзей можно позавидовать: великий француз Александр Дюма, выдающийся грузинский поэт Александр Чавчавадзе и его дочь Нина – вдова Грибоедова, известный русский художник Григорий Гагарин, расписавший в Тифлисе оперный театр, Сионский собор и восстанавливавший фрески в старинных

грузинских храмах. А жена Иванэ-старшего Нино Узнадзе – одна из первых грузинских актрис.

Увы, сразу после столь блистательной семейной страны – совершенно иная, в черной окантовке. Иванэ Кереселидзе-младший – среди юнкеров, пытающихся организовать Одиннадцатую красную армию, вступившую в Грузию в 1921 году. И его расстреливают в Гори вместе с соратниками, в печально известном товарном вагоне. Эхо этого расстрела отдается под Питером, где в тот же самый год перед палачами встал друг его юности Николай Гумилев... Младший брат Давид, тоже юнкер, чудом спасся, был арестован в 1937-м, выпущен и погиб в автомобильной катастрофе.

А вот заводила из второй пары братьев, дружившей в Тифлисе с Гумилевым, оказался в лагере тех, кто расстреливал. Биография Бориса Леграна обычна для «разрушителей старого мира». Еще в гимназии – увлечение политикой и вступление в РСДРП, офицерский чин, участие в Октябрьском перевороте. Дальше – больше: комиссар Петроградского окружного суда и судебной палаты, заместитель наркома Военно-морских дел РСФСР, один из организаторов обороны Царицына вместе со Сталиным, председатель Реввоентрибунала РСФСР, первый полпред РСФСР в Грузии, Армении и Азербайджане после их советизации...

Свой бурный жизненный путь этот многогранный революцио-

нер заканчивает заместителем... директора Всесоюзной академии художеств, поработав до этого еще и директором Эрмитажа! И хотя жизнь раскидала его с Гумилевым по разным дорогам, судьба все-таки, пусть и косвенно, сводит двух бывших гимназистов с Головинского проспекта. Будучи российским полпредом в Тифлисе, друг гумилевской юности Легран поддерживает оказавшегося здесь друга зрелого Гумилева – Осипа Мандельштама, подобрав ему непыльную работу – делать вырезки из газет. И в сентябре 1921-го именно Легран сообщает Осипу Эмильевичу, что Николай Степанович расстрелян.

Увлечшись в гимназии политикой, Борис, учившийся в одном классе с Митей, приобщает к ней и его младшего брата – знакомит Николая с сочинениями Маркса. Как никак, революционная героика, отнюдь не чуждая юному Гумилеву. И Николай, ознакомившись с теорией, со всей своей пылкостью решает перейти к практике. Правда, не в Тифлисе, а в Березках. Там он пытается вести революционную пропаганду среди местного пролетариата – мельников и рабочего люда поселка. Губернские власти, прознав про это, реагируют вежливо, но категорично: заведя в полиции соответствующее дело, новооявленного агитатора убедительно попросили уехать.

В Тифлисе же Легран не ограничивается Марксом и открывает для друга еще и Шопенгауэра с

Ницше. И оба эти философа позже сыграют важную роль в творческой биографии Николая Степановича. Особенно его привлечет Ницше, что и не удивительно. Он, как и Гумилев, рос болезненным и слабым, сумел преодолеть это силой духа и восхищался Сильным человеком. Стремление стать мощной личностью, ощущение таящихся в себе сил владели и Гумилевым. Среди пассажиров, спуская годы отмеченных им в знаменитой книге Ницше «Так говорил Заратустра», есть и такой: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью».

Сам Гумилев признавался, что именно в Тифлисе «впервые и почувствовал себя тем самым по-

этом...». Как мы видим, этот город начинает преобразжать его во «второго» героя стихотворения «Память», которое мы уже начинали читать:

*И второй... Любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звоны лир,
Говорил, что жизнь – его подруга,
Коврик под его ногами – мир.*

*Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.*

«ОН ПОВЕСИЛ ВЫВЕСКУ ПОЭТА»

Так что же это за мир на тифлисском «коврике под ногами» его, четырнадцатилетнего? Мир довольно самостоятельного человека, в чем-то уже определившегося, а в чем-то – продолжающего поиски со всей пылкостью юности. Хоть и немного, но все-таки серьезней относиться к учебе, он готовится с репетитором к экзаменам за 6-й класс, берет и уроки рисования, увлекается астрономией. И открывает для себя еще двух авторов, так повлиявших на него в последующие годы. Первый – русский философ и поэт Владимир Соловьев, второй – английский писатель Оскар Уайльд. И декадентство, с которым Гумилев впервые встретился на петербургских спектаклях с дешевыми билетами для гимназистов, в Тифлисе становится для него стилем

поведения в быту:

«В четырнадцать лет я прочел «Портрет Дориана Грея» и вообразил себя лордом Генри. Я стал придавать огромное значение внешности и считал себя очень некрасивым. И мучился этим. Я действительно, должно быть, был тогда некрасив – слишком худ и неуклюж. Черты моего лица еще не одухотворились – ведь они с годами приобретают выразительность и гармонию. К тому же, как часто у мальчишек, ужас-

* * *
 Я въ лѣсъ бѣжалъ изъ городовъ,
 Въ пустыню отъ людей бѣжалъ...
 Теперь молиться я готовъ,
 Р выдать, какъ прежде не рыдалъ.
 Вотъ я одинъ съ самимъ собой...
 Пора, пора мнѣ отдохнуть:
 Свѣтъ безпощадный, свѣтъ слѣпой
 Мой выѣлъ мозгъ, мнѣ выжегъ грудь.
 Я грѣшникъ страшный, я злодѣй:
 Мнѣ Богъ боролся силы далъ,
 Любилъ я правду и людей,
 Но растопталъ я идеаль...
 Я могъ бороться, но какъ рабъ,
 Позорно струснвъ, отступилъ
 И, говоря: «увы, я слабъ!»
 Свои стремленья задавилъ...
 Я грѣшникъ страшный, я злодѣй..
 Прости, Господь, прости меня,
 Душѣ взмученной моею
 Прости, расклеванъ цѣня!..
 Есть люди съ пламенной душой,
 Есть люди съ жаждою добра,
 Ты имъ вручи свой стагъ святой,
 Ихъ манить и влечь въ борьбу.
 Меня-жъ прости!..
 К. Гумилевъ.

ный цвет кожи и прыщи. И губы очень бледные. Я по вечерам запирал дверь и, стоя перед зеркалом, гипнотизировал себя, чтобы стать красавцем. Я твердо верил, что могу силой воли переделать свою внешность. Мне казалось, что я с каждым днем становлюсь немного красивее. Я удивлялся, что другие не замечают, не видят, как я хоро-

шею. А они действительно не замечали».

Его поэзия в этот период из «коврика» превращается в вышиваемый разными цветами ковер. Главный узор появляется восьмого сентября 1902 года, когда Коля в очередной раз опаздывает к семейному обеду. Но отец не успевает рассердиться: его удивляет торжественное выражение лица сына, вернувшегося, оказывается, из дома №4 на Крузенштернской (ныне – Митрофана Лагидзе) улице. Там располагалась редакция газеты «Тифлисский листок», и Николай протягивает родителям несколько экземпляров. В них – первое в его жизни напечатанное стихотворение.

Вообще-то, это издание стихов не печатало, взяв курс на переводы французской беллетристики, новости и местные краеведческие очерки. Кстати, в том же номере, где появилось стихотворение Николая, стоит прочесть выдержку из фельетона, посвященного назойливой предвыборной агитации: «Кто только не составляет теперь списков – и распорядительные комитеты, и «дворцовая партия», и учителя, и бухгалтеры, и булочники, и парикмахеры»... Не напоминает ли это вам, уважаемые читатели, сегодняшний день?

Но вернемся к стихотворению. Это опять-таки дань весьма востребованному тогда декадансу, трудно поверить, что шестнадцатилетний парень искренне пишет о себе:

*Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.*

*Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь,*

*Я страшный грешник, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал свой идеал...*

*Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «увы, я слаб!»,
Свои стремленья задавил...*

*Я страшный грешник, я злодей...
Прости, Господь, прости меня,
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..*

*Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит, их влечет борьба.
Меня ж прости!..*

Сам он, уже в ранге известного поэта, чуть рисуясь, скажет Одоевцевой об этом стихотворении: «Дрянь. Да еще и демоническая». Но все равно это – первый шаг на печатные страницы, это – не только предмет юношеской гордости, но и окончательное определение жизненного пути. Хотя, наверное, он и сам еще не осознает, что повзрослел – перед его фамилией в газете стоит инициал не Н. (Николай), а К. (Коля). Тем не менее это очередное перерождение Николая – в печатающегося литератора, «он повесил вывеску поэта».

«Я В ТЕ ДНИ БЫЛ ВЛЮБЛЕН...»

Отец вообще не одобряет эту публикацию, а вот мать радуется больше всех. Она сохранит этот номер тифлисской газеты до конца своей жизни. Окружающие Ни-

колая девушки тоже в восторге: перед ними – поэт. А Гумилев влюбляется в них напропалую, причем отнюдь не в одну. Но первое объяснение в любви заканчивается неожиданно и обидно: «...На Кавказе впервые влюбился. И тоже не во взрослую барышню, а в девочку. Я даже не помню, как ее звали, но у нее тоже были голубые глаза и светлые волосы. Когда я, наконец, осмелился сказать ей «Я вас люблю», она ответила – «Дурак!» и показала мне язык. – Эту обиду я и сейчас помню».

После этого случая лишнее время на то, чтобы очаровывать тифлисских барышень, Коля не тратит. Его мать вспоминает, что одно и то же стихотворение он писал в альбомы сразу двух девушек, имена которых, увы, неизвестны, время донесло до нас лишь фамилии – Воробьева и Л.Мартене. Впрочем, «прекрасные дамы» на это не

обижались – с Воробьевой Гумилев переписывался и после отъезда в Царское Село и даже посылал ей стихи. Скорее всего, посвященные уже только ей.

Так что тетрадка стихов, заведенная в двенадцать лет, в столице Грузии пополняется. Конечно же, в этом пополнении, да и не только в нем, много подражательного, в частности, сказывается влияние модного тогда Семена Надсона. Заглянем хотя бы в альбом одной из окружавших его девушек:

*Когда же сердце устанет биться,
Грудь наболевшая замрет?
Когда ж покоем мне насладиться
В сырой могиле придет черед?»*

Согласимся, что строки эти далеки от тех, к которым мы привыкли у Гумилева. Но ведь это – возраст, самое начало пути. Да и написано для девичьих альбомов, которых, кстати, становилось все больше. Николай начинает посещать вечеринки, прав-

да, танцами пренебрегает, но зато очаровывает изысканными манерами и необычной внешностью. Он ходит по улицам Тифлиса в той же войлочной шляпе и с тем же ружьем, что и во время походов по городским окрестностям. Застенчивость же пытается скрыть надменностью. Правда, иногда «столочная штучка» попадает впросак. Слово – ему самому:

«Я в те дни был влюблен в хорошенькую гимназистку Таню. У нее, как у многих девочек тогда, был «заветный альбом с опросными листами». В нем подруги и поклонники отвечали на вопросы: «Какой ваш любимый цветок и дерево? Какое ваше любимое блюдо? Какой ваш любимый писатель?»

Гимназистки писали – роза или фиалка. Дерево – береза или липа. Блюдо – мороженое или рябчик. Писатель – Чарская.

Гимназисты предпочитали из деревьев дуб или ель, из блюд – индюшку, гуся и борщ, из писателей – Майн Рида, Вальтер Скотта и Жюль Верна.

Когда очередь дошла до меня, я написал не задумываясь: «Цветок – орхидея. Дерево – баобаб. Писатель – Оскар Уайльд. Блюдо – канандер».

Эффект получился полный. Даже больший, чем я ждал. Все стушевались передо мною. Я почувствовал, что у меня больше нет соперников, что Таня отдала мне свое сердце.

И я, чтобы подчеркнуть свое торжество, не стал засиживаться,

а отправился домой, сопровождаемый нежным, многообещающим взглядом Тани.

Дома я не мог сдержаться и поделился с матерью впечатлением, произведенным моими ответами».

Провинциальные барышни ничего странного не заметили. Автор без раздумья сделанной записи спешит поделиться своим триумфом с матерью и... «Она выслушала меня внимательно, как всегда.

– Повтори, Коленька, какое твое любимое блюдо. Я не расслышала.

– Канандер, – важно ответил я.

– Канандер? – недоумевая, переспросила она.

Я самодовольно улыбнулся:

– Это, мама, – разве ты не знаешь? – французский очень дорогой и очень вкусный сыр.

Она всплеснула руками и рассмеялась.

– Камамбер, Коленька, камамбер, а не канандер!

Я был потрясен. Из героя вечера я сразу превратился в посмешище. Ведь Таня и все ее приятели могут спросить, узнать о канандере. И как она и они станут над мной издеваться. Канандер!..

Я всю ночь думал, как овладеть проклятым альбомом и уничтожить его. Таня, я знал, держала его в своем комодe под ключом.

Проникнуть в ее комнату, взломать комод и выкрасть его невозможно – у Тани три брата, родители, гувернантка, прислуга – к ней в комнату не проскользнешь незамеченным.

Поджечь ее дом, чтобы проклятый альбом сгорел? Но квартира Тани в третьем этаже, и пожарные потушат пожар прежде, чем огонь доберется до нее.

Убежать из дому, поступить юнгой на пароход и отправиться в Америку или Австралию, чтобы избежать позора? Нет, и это не годилось. Выхода не было.

К утру я решил просто отказаться от разделенной любви, вычеркнуть ее из своей жизни и больше не встречаться ни с Таней, ни с ее приятелями».

«Я ПЕСНИ СЛАГАЮ ВО СЛАВУ ТВОЮ...»

А потом в его жизни снова появляется фамилия Маркс. Но это уже не бородатый автор «Капитала», а очаровательная гимназистка Машенька – большая безответная любовь Николая. Если бы эта девушка ответила взаимностью, Гумилев вполне мог бы войти в театральный мир Грузии – вместе с теми, кому в Тбилисском государственном музее театра, музыки, кино и хореографии много лет была посвящена экспозиция. Она так и называлась: «Уголок семьи Маркс».

Дед Марии руководил русски-

ми театральными труппами Тифлиса еще в середине XIX века. Отец, профессиональный актер, создал вместе со знаменитым промышленником и меценатом Исаем Питоевым Артистическое общество, в здании которого ныне – Руставелевский театр, а потом стал финансовым директором питоевской компании. При этом он был еще фармацевтом и владел одной из первых в Тифлисе аптек. А его сестра, Машина тетья, вообще вышла замуж за Питоева, и среди добрых дел этой пары – дебют Федора Шаляпина на оперной сцене. Впрочем, из нашего сегодня, зная, какой успех имел у женщин уже женатый Гумилев, можно предположить, что у него вряд ли сложилось бы семейное счастье с Машей. Клан

▼ Мария Маркс

Посвящение к сборнику
„Горы и ущелья.“^{сб}

I

Люблю я гудящий шумный вид,
Остроконечные вершины,
Что каждый ланкой шара призывает
К несвоевременной кончине.

II

Люблю жадь припасть глухой
Пустоты для любования
Чили севернее протей
Все выше-выше поднимается.

III

В грозах мне любовь и Божий свет,
Но любовь и светом мне едины!
Не замалчивать меня, вата, иголки
В пустоте, скудных дальних.

Марков-Питовых не простил бы ему измены...

Но, как известно, история не знает сослагательного склонения. Мария Маркс вышла в Москве замуж, была и врачом на Первой мировой, и санитаркой, и актрисой, в память о своем тифлисском детстве назвала сына Ираклием. И осталась в поэзии не стихами (как говорят, хорошими), а тем, что была первой большой любовью Поэта. Большой настолько, что, уезжая навсегда из Грузии, Николай именно ей, 14-летней гимназистке, оставил свой рукописный сборник «Горы и ущелья». Даже литературоведы, считающие стихотворения

в нем «подражательными и ходячими романтическими штампами», признают их «биографическую ценность». А имя Мария становится чуть ли не магическим для Гумилева и потом будет часто появляться во многих его стихах.

Стихотворение, напечатанное в газете, Николай ставит первым в рукописной книге «Горы и ущелья», которую создает в столице Грузии и оставляет Маше Маркс. А его посвящение к этому сборнику свидетельствует о том, что Тифлис, окружающая его природа закрепляют в сознании юного поэта предрасположение к опасностям:

I

Люблю я чудный горный вид,
Остроконечные вершины,
Где каждый лишний шаг грозит
Несвоевременной кончиной.

II

Люблю над пропастью глухой
Простором дали любоваться
Или неверною тропой
Все выше-выше подниматься.

III

В горах мне люб и Божий свет,
Но люб и смерти миг единый!
Не заманить меня вам, нет,
В пустые, скучные долины.

И это тоже рождено поразившими Гумилева горами Грузии:

У скалистого ущелья,
Одинокий я стоял,
Предо мной поток нагорный
И клубился, и сверкал.

Из-за туч, кроваво-красна,
Светит полная луна,
И в волнах потока мутных
Отражается она,

И какие-то виденья
Все встанут передо мной,
То над волнами потока,
То над пропастью глухой...

Он словно предчувствует, что больше никогда не увидит этих мест:

Полон грусти безотрадной,
Я рыдаю, и в горах
Эхо громко раздаётся,
Пропадая в небесах.

Конечно же, не может не быть в этом рукописном тифлисском сборнике и подражания Надсону:

*Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты.*

*За эти волшебные очи
Я с радостью, верь, отдаю
Мое наболевшее сердце.
Усталую душу мою...*

Сегодня трудно сказать, кому из милых его сердцу барышень адресованы этих строки. Это может быть и собирательный образ романтической влюбленности. Но если мы заглянем на последнюю страницу сборника, то увидим там уже конкретное посвящение – М.М.М.:

*Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю,
Затем, что меня ты не любишь,
Я вечно страдаю и вечно грущу,
Но, друг мой прекрасный, тебя я прошу
За то, что меня ты погубишь.*

*Так раненный в сердце шипом соловей
О розе-убийце поет все нежней
И плачет в тоске безнадежной,
А роза, склонясь меж зеленой листвы,
Смеется над скорбью его, как и ты,
О друг мой, прекрасный и нежный.*

Что ж, М.М.М. – Мария Михайловна Маркс – никогда не забывала влюбленного в нее юного поэта и до конца жизни хранила этот сборник. Сейчас он – в Рукописном отделе санкт-петербургского Пушкинского Дома (Института русской литературы Российской академии наук).

А, пожалуй, лучшие строки, посвященные Грузии юным Гумилевым, звучат так:

*Вам, кавказские ущелья,
Вам, причудливые мхи,
Посвящаю песнопенья,
Мои лучшие стихи.*

*Как и вы, душа угрюма,
Как и вы, душа мрачна,
Как и вы, не любит шума,
Ее манит тишина.*

*Буду помнить вас повсюду,
И хоть я в чужом краю,
Но о вас я не забуду
И теперь о вас пою.*

ПРАВДА ПРО КНЯЗЯ И ГИМНАЗИСТА

Кстати, в связи с «Горами и ущельями», интересно послушать мнение известного литературоведа, доктора филологических наук, доцента филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Алексея Павловского. Авторитетный ученый считает: этот сборник мог бы показать, что Гумилев-гимназист был не чужд и ноты гражданственности, так как именно в Тифлисе он прошел весь краткий период увлечения общественными интересами. И добавляет: «Возможно, вспышка интереса к социальности... все же оставившая какой-то след в душе,

была связана и с англо-бурской войной, развернувшейся именно тогда, когда гимназист тифлисской гимназии писал стихи в свой альбом». Что ж, дорогие читатели, полностью согласившись с этим, мы тем не менее позволим себе и возразить ведущему научному сотруднику Пушкинского Дома. Возразить в конкретике, с которой он развивает эту мысль.

В своей работе «О творчестве Николая Гумилева и проблемах его изучения» Павловский утверждает: «Гумилев не мог не помнить проводов на англо-бурскую войну, виденных им в Тифлисе, когда ликующие толпы провожали князя Николая Багратиона-Мухранского, решившегося отправиться на поле сражения... Какой страстной и неизбывной завистью страдали тогда все гимназисты тифлисских гимназий, а в их числе и он тоже!.. Гумилев на всю жизнь запомнил и сцену проводов, и свое пылкое желание оказаться рядом с Багратионом-Мухранским...» И еще: «Он был свидетелем красочных и патетичных проводов на бурскую войну одного из грузинских князей, отправившегося туда в качестве добровольца». Увы! При всем почтении к памяти Алексея Павловского, нельзя не сказать, что... ничего этого не было. И быть не могло. Почему?

Сначала познакомимся с легендарным Нико Буром, князем Николаем Багратион-Мухранским из старинного знатного грузинского рода, к которому принадлежал

▲ Нико Бур с дочерьми

и герой Отечественной войны 1812 года генерал Петр Багратион. Он отправляется в Южную Африку воевать на стороне буров и становится самым знаменитым добровольцем из Российской империи. Сражается сначала в бурском отряде, затем – во Французском корпусе. В неравном бою у Бошофа попадает в плен, и его на семь месяцев отправляют в лагерь на остров Святой Елены – тот самый, куда когда-то был сослан Наполеон Бонапарт. Освободившись, князь через Францию возвращается в Грузию. А в 1896-м представляет ее на коронации Николая II в московском Успенском соборе. В Грузии этого замечательного человека до сих пор вспоминают как Нико Бура.

Что и говорить, гимназист Гуми-

лев вполне мог страдать «страстной и неизбывной завистью» к такому герою, сражавшемуся за свободу маленького народа, да еще в одних рядах с Капитаном Сорви-головой – героем романа, который в 1901-м году напишет Луи Буссенар, один из любимых писателей юного Николая. Но все дело в том, что Нико Бур попадает в плен 5 апреля 1900-го, а Гумилев отправляется в Тифлис с матерью и братом лишь 11 августа. Так что он никак не мог «на всю жизнь запомнить сцену проводов».

Да и никаких «ликующих толп» в Тифлисе на проводах князя не было. Так как не было и... самих проводов. Не только «красочных и патетичных», а вообще никаких. Ведь в Африку, причем не в южную, а в восточную Багратион-Мухранский выехал не из Тифлиса, а из Парижа – поохотиться, на сафари. А о начале англо-бурской войны узнал по дороге, в Александрии. И тут же отправился в Трансвааль сражаться на стороне буров: «Мне показалось, что их страна очень похожа на мою родину, и я почувствовал, что должен защищать их». Естественно, что ни во Франции, ни на Мадагаскаре, ни в Мозамбике, через которые он добирался до трансваальской столицы Претории, никто никаких пышных проводов ему не устраивал. А уж о жителях Тифлиса, узнавших о приключениях своего соотечественника лишь через год с лишним, и говорить нечего...

Хотя, конечно же, нельзя отри-

цать, что Николай мог видеть, как тифлисы восторженно приветствуют легендарного князя – но, повстречавшись с ним на улицах города уже после его возвращения. Вполне возможно, что такая сцена породила в Гумилеве «вспышку интереса к социальности, связанную и с англо-бурской войной». Но это могло быть только после того, как Нико Бур вернулся из плена.

Вот такая вторая чисто тбилисская лепта в исследования гумилевоведов.

«ЖЕЛАЯ ПРОДОЛЖИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ СЫНА МОЕГО...»

Кстати, о том, выучил ли Гумилев грузинский язык, не вспоминает практически никто. Кроме... него самого. Вот, как это выглядит в письме, написанном в 1910 году грузинскому поэту и писателю Григолу Робакидзе, с которым он познакомился в Париже: «Ваша информация о грузинском символизме меня очень заинтересовала... Что касается перевода «Змея» (поэмы Важа Паведа – В.Г.), большое удовольствие взять его на себя, если он не содержит технической сложности... Но беда в том,

что грузинский язык я знаю очень плохо и смогу перевести лишь при наличии подстрочника и с указаниями какого-нибудь знатока». Выходит, что Николай Степанович, пусть и в неких границах, все-таки знал грузинский. Очень может быть, что и кто-то из друзей-грузин помогал ему изучить язык. Может, те же братья Кереселидзе. А в достаточной мере овладеть грузинским он не успевает – семья решает уехать из Тифлиса.

Без каких-либо осложнений окончив шестой класс в мае 1903-го, Николай, уже по традиции, уезжает в Березки. Но на этот раз – чтобы больше не вернуться в Грузию. На семейном совете решено: из Березок пора перебираться к родным балтийским берегам. Ведь Дмитрий полностью излечился в Тифлисе от туберкулеза, окончил седьмой класс, и ему остается лишь год учебы до исполнения мечты – поступления в военное училище. Оставалось определить, куда именно переезжать – в Царское Село или в Санкт-Петербург. По настоянию главы семейства избирается первый из этих городов. И мы можем прочесть прошение, отправленное директору Царско-сельской Николаевской гимназии, самому старшему из русских символистов поэту Иннокентию Анненскому:

«Желая продолжить образование сына моего Николая Гумилева, ученика VII класса 1-й Тифлисской Гимназии во вверенном Вам учебном заведении, имею честь про-

▲ Царкосельская гимназия

силь распоряжения Вашего о том, чтобы он был помещен в VII класс, в который он по своим познаниям переведен, причем имею честь сообщить, что он до сего времени обучался в 1-й Тифлисской Гимназии.

Желаю, чтобы Николай Гумилев в случае принятия его в заведение, обучался в назначенных для него классах обоим новым иностранным языкам, буде окажет достаточные успехи в обязательных для всех предметах, в противном же случае в одном французском. При этом прилагаются дневник об его успехах, поведении и о переводе его в VII класс, свидетельства же о возрасте, звании и привитии оспы прошу истребовать от 1-й Тифлисской гимназии.

Статский Советник Степан Гумилев.

1903 года Июля 11 дня.

Жительство имею Рязанской губ.

Станция Вышгород

Московско-Рязанской ж. д.

Усадьба Березки.

Зимую же в гор. Царском Селе».

Как видим, о Тифлисе уже нет никаких упоминаний...

Но на этом бумажная канитель в расставании Николая Гумилева с Грузией не заканчивается. Из Царского Села в столицу Грузии отправляется такое письмо:

«Его Превосходительству
Господину Директору 1 Тифлис-
ской Гимназии.

Статский Советник Степан Яковлевич Гумилев обратился ко мне с просьбою о принятии сына его Николая Гумилева, ученика вверенной Вам Гимназии, в VII класс вверенной мне Гимназии. Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить мне, не имеется ли с Вашей стороны каких-либо препятствий к поступлению означенного ученика во вверенную мне Гимназию и в удовлетворительном случае не отказать выслать свидетельство об успехах и поведении, кондуктный список и все его документы и сообщить отметку по географии означенного ученика из IV класса в V класс.

Директор И. Анненский

И. д. письмоводителя Г. Васильев»

В ответ с Головинского проспекта пересылается свидетельство за № 1820 от 21 августа об успешном окончании Николаем шести классов. В нем – «тройки» по русскому, латинскому, греческому языкам и математике, «четверки» по остальным предметам – Закону Божьему, физике, истории, географии, немецкому и французскому, а остальные оценки почему-то не указаны. Впрочем, и этого хватает для зачисления в Царскосельскую гимназию. Но места в ней есть только для пансионеров (они же – интерны), то есть тех, кто будет жить при учебном заведении. И

Степан Яковлевич отправляет еще одну официальную бумагу. На этот раз – обязательство:

«К поданному мною от 11 сего Июля 1903 прошению о переводе моего сына ученика VII класса Тифлисской Гимназии Николая Гумилева в Императорскую Николаевскую Царскосельскую Гимназию имею честь присовокупить нижеследующее обязательство:

1) Означенного Николая Гумилева я обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и вносить установленную плату за право учения;

2) о том, чтобы все распоряжения начальства, касающиеся учеников гимназии вообще и Императорской Николаевской Царскосельской в частности, были им в точности выполняемы, буду прилагать всевозможное старание. Под опасением, что в противном случае он будет уволен из заведения;

3) жительство он будет иметь в пансионе Гимназии, которому я поручаю надзор за поведением его вне гимназии, о всякой же перемене квартиры гимназическое начальство будет немедленно извещаемо».

В виде исключения дирекция гимназии разрешает интерну Николаю жить дома. И после этого его отец подписывает еще одно – длиннее обязательство. В нем – аж тринадцать пунктов. В них, в частности, говорится, что родители будут не только своевременно оплачивать обучение, но и следить

▲ **Иннокентий Анненский**

за поведением сына во время каникул и воскресных дней, «чтобы публичные места, как-то: цирки, театр, концерты, он посещал только вместе с родителями либо опекунами».

Среди других пунктов – и немислимый в Первой Тифлисской гимназии: «Обязуюсь... внушать ему, чтобы при встрече с Государем Императором и членами Императорской Семьи останавливался и снимал фуражку, а при встрече с г.г. Министром Просвещения и товарищем его, попечителем учебного округа и помощником его, начальниками, почетными попечителями,

преподавателями и воспитателями гимназии отдавал им должное почтение». Что ж, Царское Село – особый город: и члены правительства, и императорская семья, и сам государь могли появиться в нем в любой момент.

Литература еще не раз сведет последнего большого представителя царскосельской поэтической эпохи Иннокентия Анненского с основателем акмеизма Николаем Гумилевым. Они даже будут вместе печататься в альманахе «Северная речь», собравшем произведения «поэтов-царскоселов». Но тогда, осенью 1903-го, все это еще впереди, и они друг для друга – лишь усталый от забот директор и новый ученик. Гумилев после смерти Анненского посвятит его памяти блестящее стихотворение, в котором есть и строки, звучащие как воспоминание об их встрече после Тифлиса:

*К таким нежданым и певучим бредням
Зовя с собой умы людей,
Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей.*

*Я помню дни: я, робкий, торопливый,
Входил в высокий кабинет,
Где ждал меня спокойный и учтивый,
Слегка седеющий поэт.*

*Десяток фраз, пленительных и странных,
Как бы случайно уроня,
Он вбрасывал в пространство безымянных
Мечтаний – слабого меня.*

.....
*Журчит вода, протачивая шлюзы,
Сырой травой пахнет мгла,
И жалок голос одинокой музыки,
Последней – Царского Села.*

«И УМРУ Я НЕ НА ПОСТЕЛИ...»

Впрочем, это – начало уже совсем иных страниц гумилевской жизни. Но мы запомним, что Николай Степанович, покинувший Царское Село семилетним, страдающим от хворей, благодаря Тифлису, вернулся в него через десять лет совсем иным человеком. Возмужавшим физически и духовно, готовым воплотить в жизнь детскую мечту – стать отважным путешественником и охотником. Да, сегодня миру трудно представить слабым и болезненным участника смертельно опасных путешествий по Африке, дважды кавалера высшей боевой награды – Георгиевского креста, человека, в разгар чекистских репрессий не скрывавшего свое неприятие советской власти. И именно Тифлис открыл ему путь к этому – в доме на углу двух сололакских улиц исчезают и головные боли, и сонливость, и вата в ушах. Местная пресса делает его публикуемым поэтом, а горные городские окрестности становятся местами, столь необходимыми юношеской романтике.

Приняв болезненного мальчика, столица Грузии проводила в большую жизнь мужчину. Нота «пылкости и дикарства» из гимназических годов прозвучит у него еще не раз. Все еще у него впереди – и Африка, и создание акмеизма, и строки, которые уже ни с кем не спутаешь. Он вырастает в «третьего» – противоположного «первому» и «второму» в его автобиографической «Памяти»:

*Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.*

.....
*Преда мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.*

У Гумилева есть стихотворение, в котором он с щемящей точностью предрек свою судьбу:

*И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще...*

Последние фотографии поэта, которые вы увидите в этой книге, сделаны в подвалах ВЧК совсем незадолго до того, как сбылось это пророчество. Они уникальны тем, что в них нет ретуши, скрывавшей в сотнях их копий правду о том, как допрашивали поэта. Принято считать, что следователи-интеллектуалы «раскололи» Гумилева на откровения только лишь беседами о поэзии, философии, умно построенными комплиментами и другими «интеллигентскими подходами». Посмотрите на лицо Николая Степановича, и станет ясно, насколько это правда...

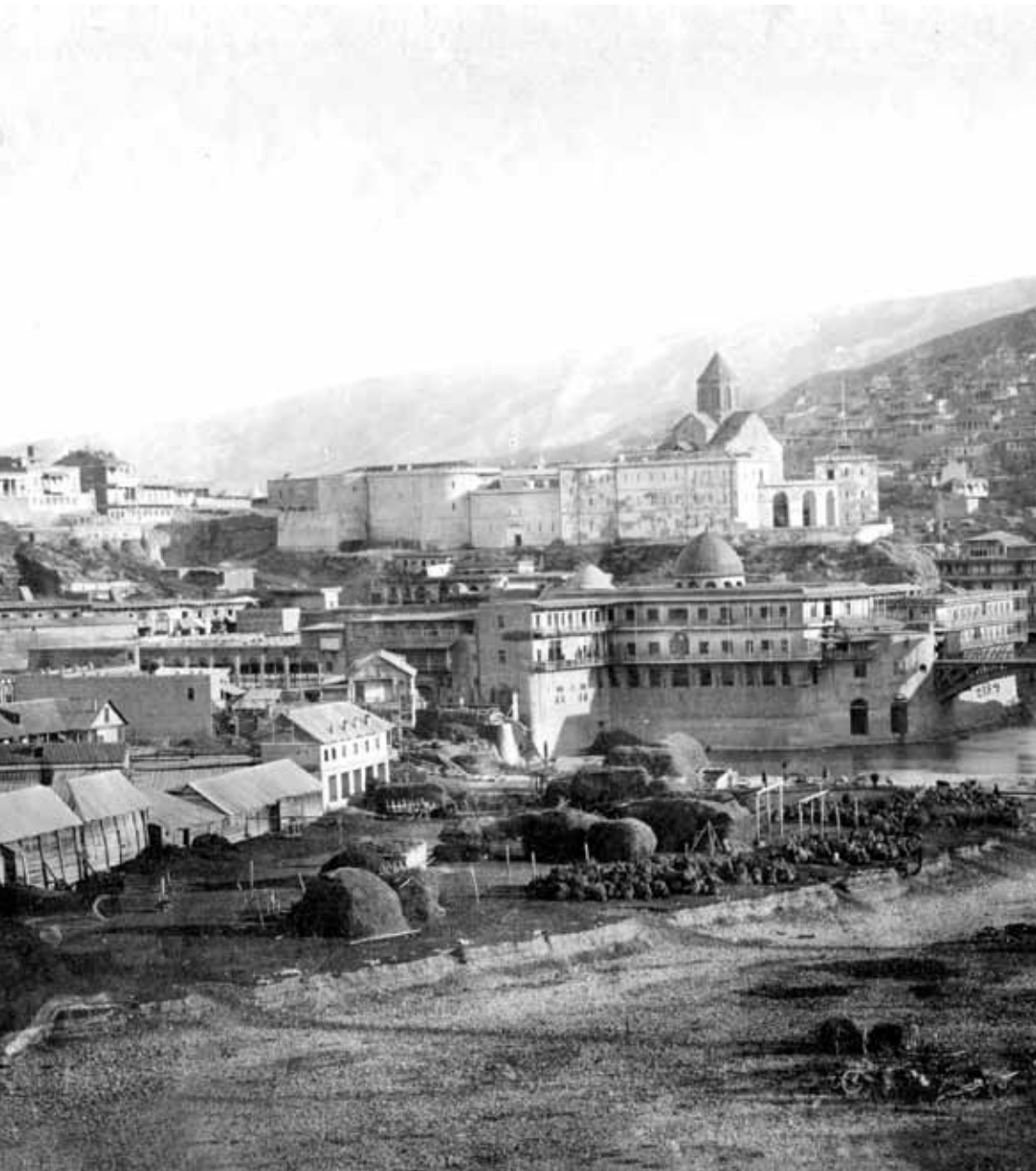
Ну, а начинается пророческое стихотворение о «дикой щели» так:

*Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.*

Не отголосок ли это тифлисской зурны?

▼ Последние фотографии Николая Гумилева

▲ Тифлис. Конец 19 века

▲ Пушкинская улица в Тифлисе. 1900-е гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
МОРСКОЙ ВРАЧ И ЕГО СЕМЬЯ.....	6
«САМЫЙ ПЕРВЫЙ: НЕКРАСИВ И ТОНОК»	11
«СВОИМИ НЕДОСТАТКАМИ СЛЕДУЕТ ГОРДИТЬСЯ»	15
ЗДРАВСТВУЙ, ТИФЛИС!.....	20
«ПЫЛКИЕ И ДИКИЕ»	29
«ОН ПОВЕСИЛ ВЫВЕСКУ ПОЭТА».....	32
«Я В ТЕ ДНИ БЫЛ ВЛЮБЛЕН».....	34
«Я ПЕСНИ СЛАГАЮ ВО СЛАВУ ТВОЮ...».....	37
ПРАВДА ПРО КНЯЗЯ И ГИМНАЗИСТА.....	41
«ЖЕЛАЯ ПРОДОЛЖИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ СЫНА МОЕГО...».....	43
«И УМРУ Я НЕ НА ПОСТЕЛИ...»	47

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«Я ПРИШЕЛ ИЗ ДРУГОЙ СТРАНЫ»

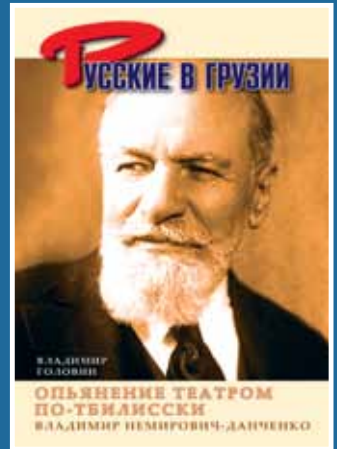
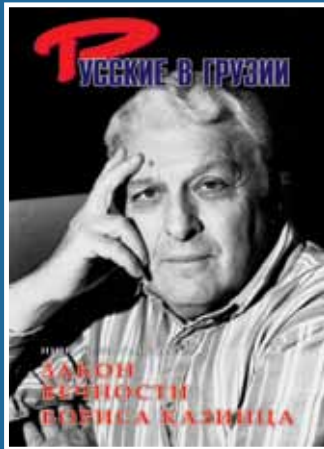
НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Владимир Георгиевич Головин – поэт, журналист, член Союза писателей Грузии, состоял в Союзе журналистов СССР с 1984г., заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах – главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект».

Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекресток» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия-Франция).

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» (МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза - Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни - литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

